

Жунусова З.К., Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова, исторический факультет, гр. ИО-23-4р, студент
(Научный руководитель - к.и.н., ассоциированный профессор Абдрахманова К.К.)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТУРКСИБА: «ТЕЛЕСНАЯ ИСТОРИЯ» И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТРОИТЕЛЕЙ В ОБЪЕКТИВЕ ФОТОКАМЕРЫ

Актуальность работы. Турксиб стала одним из крупнейших транспортных проектов первой пятилетки советской власти, сыгравший ключевую роль в освоении региона, модернизации и интеграции хозяйства, а также трансформации образа жизни населения в XX веке. Его строительство способствовало развитию промышленности, сельского хозяйства и миграционных процессов. В связи с этим, обращение к проблеме Турксиба через визуальные источники является для современной отечественной историографии актуальным, поскольку позволяет глубже осмыслить роль магистрали не только как масштабного экономического проекта, но и как социального явления. «Визуальный поворот» второй половины XX – начало XXI века в исторической науке дал нам возможность использовать визуальные источники для деконструкции «парадного мифа» о героическом социалистическом строительстве и анализа Турксиба как инструмента контроля.

Цель работы – на основе визуальных источников изучить Турксиб как социальное пространство и деконструировать официальный идеологический нарратив.

Объект исследования – визуальные источники по истории строительства Турксиба.

Предмет исследования – репрезентация и реконструкция условий труда, повседневной жизни и социальной структуры участников Турксиба через визуальные источники.

Методы исследования – принципы визуальной истории, метод «чтения против зерна», системно-деятельностный подход и сравнительный анализ.

За планами пятилеток скрывается «телесная история» тысяч строителей. Визуальные источники позволяют выявить непреднамеренные элементы реальности, не подвергавшиеся идеологической цензуре. Как отмечает Т. В. Вдовина, фотография-социально сконструированный продукт, в котором переплетаются технические возможности эпохи и идеологические установки [1, с. 18]. Эвристическая ценность кадра - в «немаркированных» аспектах жизни, не зафиксированных в официальном делопроизводстве.

Источниковым ядром исследования, являются фонды ЦГА КФДЗ РК. Ключевое значение имеют кадры личного архива А. Утегена, зафиксировавшие непарадные стороны стройки. Сопоставление с работами А. Ф. Солькина и Б. Ф. Будрейки выявляет зоны концептуального разрыва между проектной моделью индустриализации и её реальным воплощением [2, с. 3-12].

Анализ фотодокументов КФДЗ РК позволяет реконструировать социальную реальность стройки, которая зачастую вступала в системное противоречие с нормативной моделью, задаваемой Народным комиссариатом путей сообщения. В то время как официальные отчеты и инструкции декларировали создание благоустроенных рабочих поселков с жесткими санитарными нормами, визуальные свидетельства фиксируют временный и неустойчивый характер повседневности. Фотографии палаточных лагерей, землянок и барачов демонстрируют не только перенаселенность жилищ, но и отсутствие на многих участках элементарной инфраструктуры - столовых, бань и стационарных медицинских пунктов [4, с. 28]

Особое внимание визуальные источники позволяют уделить «пространственной неустойчивости» рабочего быта. Большинство жилищ строителей имело временный характер и демонтировалось по мере продвижения железнодорожного пути, что создавало особый тип повседневности, лишенный стабильности и привязанности к месту. Как свидетельствуют воспоминания очевидцев, жизнь в юртах и палатках того времени была сопряжена с экстремальными условиями: отсутствие мебели вынуждало рабочих спать на земле, застеленной травой, а сами жилища из-за сильных степных ветров приходилось буквально привязывать к почве арканами [5].

Сопоставление этих кадров со статистическими данными издания «Бюджет и быт рабочего-строителя» выявляет глубокий разрыв между декларируемыми социальными гарантиями и фактической практикой адаптации к среде. Визуальные источники доказывают, что повседневность на Турксибе была не героическим элементом, а пространством постоянного преодоления бытовой неустроенности, где жизнь людей была полностью подчинена технической логике продвижения магистрали. Таким образом, фотография выступает критическим источником, выявляющим пределы реализации государственной политики на местах и реальную цену индустриального прогресса [6, с. 7-20].

Важнейшим пластом социальной реальности Турксиба, зафиксированным в фондах ЦГА КФДЗ РК, выступает «телесная история» индустриализации. Визуальные источники становятся практически единственным инструментом, позволяющим увидеть реальную физическую цену проекта, уплаченную человеческим телом, и провести деконструкцию «парадного мифа» о всеобщей механизации. Анализ запечатленных образов свидетельствует о глубоком разрыве между декларируемыми техническими успехами и фактической повседневностью строительных участков.

Значительная часть архивных фотографий демонстрирует абсолютное преобладание тяжелого ручного труда: переноску шпал, многокилометровые земляные работы и укладку рельсов без использования специализированных средств. Эти кадры усиливают текстовые свидетельства Т. Рыскулова, указывавшего на хроническую нехватку техники и вынужденное использование физического ресурса как основного двигателя

стройки. Сквозь призму объектива проступает степень физического напряжения, которую невозможно измерить сухими цифрами отчетов: изможденные лица, худощавое телосложение и крайняя степень изношенности одежды [7, с. 38-42].

Особую эвристическую ценность для историка представляют «немаркированные» детали - полное отсутствие на снимках защитных касок, перчаток и специализированной обуви у большинства рабочих. Сам факт отсутствия этих элементов является косвенным, но неопровержимым свидетельством системных проблем охраны труда и безопасности, которые последовательно игнорировались в пропагандистском нарративе «трудового подвига». Фотографии фиксируют процесс постепенного физического износа человеческого ресурса, превращая рабочего из субъекта истории в функциональный, быстро истощаемый элемент производственного процесса [8, с. 378-381].

Таким образом, визуальный массив архива позволяет восстановить «телесную историю» Турксиба - ту теневую сторону модернизации, где за героическими лозунгами скрывалось систематическое перенапряжение и недостаточное восстановление организма рабочих. Фотография в данном контексте выступает как инструмент исторической справедливости, возвращающий исследователя от абстрактных плановых показателей к живому человеческому измерению индустриальной трансформации Казахстана.

Визуальный массив из фондов ЦГА КФДЗ РК позволяет существенно расширить представление о социальном составе строителей Турксиба, выходя за рамки обезличенного образа «рабочей массы». Фотографии фиксируют присутствие групп участников, чья роль в официальных текстах либо минимизировалась, либо подчинялась унифицированному идеологическому стандарту. Сквозь призму объектива проступает социальная многослойность стройки, где пересекались представители различных этнических групп: крестьяне-переселенцы, мобилизованные рабочие из центральных регионов и местное казахское население. Эта визуальная разнородность вступает в противоречие с унифицированным образом «советского рабочего», формируемым в печатных источниках [9, с. 12-15].

Особое место в визуальном корпусе занимают «невидимые» участники индустриализации - женщины. Архивные снимки запечатлели их при выполнении тяжелейших физических работ: переноске материалов, обслуживании лагерной инфраструктуры и сортировке балласта. В официальных публикациях женский труд чаще всего интерпретировали как вспомогательный или «обслуживающий», однако визуальные источники демонстрируют его непосредственную включенность в производственный процесс наравне с мужчинами. При этом наблюдается глубокое противоречие между идеологическим образом «новой советской женщины» и реальностью: фотографии фиксируют крайнюю физическую уязвимость работниц, лишенных специализированных условий труда и средств защиты [9, с. 54-57].

Не менее важным аспектом является визуальная фиксация молодежи и подростков на строительных участках. Несмотря на официальное декларирование возрастных норм, кадры свидетельствуют о вовлечении юношей, не достигших зрелого возраста, в тяжелый ручной труд. Поскольку такие факты практически не сопровождалась текстовыми комментариями в отчетах, фотография остается единственным инструментом фиксации реального масштаба участия молодежи в проекте.

Для местного казахского населения участие в строительстве магистрали имело специфическую социальную подоплеку. В условиях разрушения традиционного кочевого уклада и массового голода работа на Турксибе часто становилась единственной возможностью получить жизненно важный хлебный паек и спастись от гибели. Таким образом, визуальные источники позволяют реконструировать подлинное «человеческое измерение» Турксиба как сложного пространства социальных трансформаций и адаптационных практик [5].

История строительства Турксиба не может быть сведена исключительно к логике экономического развития, так как железная дорога изначально проектировалась как стратегический инструмент интеграции окраин в единую административно-военную систему. Визуальные источники из фондов ЦГА КФДЗ РК наглядно фиксируют социально-экономическую асимметрию, при которой Казахстан выступал преимущественно в качестве ресурсной базы и транзитного пространства. В советский период идеологическая интерпретация Турксиба как «стройки социализма» маскировала его реальную функцию - превращение региона в объект имперского пространственного контроля [2].

Наиболее ярко столкновение интересов центра и региона проявилось в деятельности М. Тынышпаева, который был представителем редкого типа деятеля, сочетавшего профессиональное инженерное мышление и ясно выраженную национальную позицию. Тынышпаев рассматривал магистраль не как нейтральный технический объект, а как фактор трансформации региона, который может принести пользу только при условии учета интересов коренного населения [10, с. 140-142]. Архивные фотографии, на которых он запечатлен непосредственно на участках изысканий и в кругу специалистов, наглядно опровергают позднейшие идеологические обвинения в его «формальном» или «вредительском» участии в проекте. Трагедия М. Тынышпаева заключалась в том, что его самостоятельное историческое мышление и профессиональная компетентность сделали его фигуру «неудобной» для власти, что привело к его вытеснению на периферию истории и последующей гибели [11, с. 7-13].

Проведенное исследование доказывает, что визуальная история Турксиба позволяет выйти за рамки «парадного мифа» и реконструировать подлинную социальную реальность великой стройки. Фотографии из фондов ЦГА КФДЗ РК фиксируют «телесную историю» процесса - ту сторону индустриализации, которая была связана с колоссальным физическим напряжением, износом человеческого ресурса и бытовой

неустроенностью строителей. Туркестано-Сибирская магистраль предстает в исследовании не просто как технический прорыв, а как сложное пространство социальных взаимодействий, где за абстрактными планами скрывались судьбы тысяч людей. Возвращение имени М. Тынышпаева и анализ повседневности через объектив фотокамеры являются необходимым условием для честного диалога с прошлым и восстановления исторической справедливости в современном Казахстане.

Список использованных источников:

1. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2012. – № 1. – С. 16-26.
2. Официальный сайт ЦГА КФДЗ РК [Электронный ресурс]. — URL: <http://kfdz.kz> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Солькин А. Ф., Будрейка Б. Ф. Турксиб (к соединению укладки рельсового пути 1 мая 1930 г.). — Москва–Алма-Ата, 1930. — 26 с.
4. Каганович Л. М. Технические эксплуатационные правила железных дорог СССР («SSSR temjr çoldarǵyn TEXNJKALBQ EKSPLUATATSJA EREÇELERJ»)/ НКПС СССР. — Алма-Ата: Тип. газ. «Турксиб», 1940.- 157с.
5. Мазоренко Д., Тойшибекова А. «Турксиб» современники // Власть: аналитический интернет-журнал. Мультимедийный проект «Земля». – Режим доступа: <https://vlast.kz/earth/20078-turksib-sovremenniki.html>. – Дата обращения: 16.10.2025г.
6. Турксиб. Бюджет и быт рабочего-строителя на постройке Туркестано-Сибирской железной дороги.— М.: Изд. Отдела экономики труда Управления Турксиба, 1929. — 45 с.
7. Рыскулов Т. Турксиб. — Москва-Ленинград: Государственное издательство (Госиздат), 1930. — 74 с.
8. Полчаева Ф. А. Использование визуальных источников в историческом исследовании (на примере иллюстраций В. Ф. Тимма) // История, археология и этнография Кавказа. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 376–389.
9. Турксиб: Сборник статей участников строительства Туркестано-Сибирской железной дороги/ Сост. З. Островский; под ред. Д. Сверчкова. — М.: Транспечать НКПС, 1930. — 256 с.
10. Рахматуллина Е. Ю. Программа модернизации транспортной структуры Восточного Казахстана 1920–1941 гг. // Индустриальное строительство в Центральной Азии: историческое значение для региона: Мат. Межд. науч. конф. — Барнаул, 2020. — С. 140–148
11. Исхаков С. Малоизвестные фотографии Мухамеджана Тынышпаева и Мустафы Шокая // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. — 2023. — № 4 (71). — С. 6–15.

Кисина С.Н., Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова, исторический факультет, гр. ИО-23-4р, студент)
(*Научный руководитель — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории Абдрахманова К.К.*)

ОТ ЗВОНКА ДО ЗВОНКА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОГО ПЕДАГОГА В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЯ

В центре современной исторической науки все отчетливее проявляется так называемый «антропологический поворот» — исследовательский интерес смещается от анализа глобальных государственных институтов к изучению «малых жизненных миров» и повседневных практик обычного человека [1, с. 8]. Если раньше внимание историков концентрировалась преимущественно на политических решениях, партийных съездах и экономических показателях, то сегодня особую значимость приобретает изучение того, как жил и работал конкретный человек в условиях определенной эпохи. Советская школа традиционно рассматривалась как идеологический бастион и кузница кадров для «великих строек», однако за рамками парадных отчетов Облоно оставался сам педагог — человек, чья жизнь была жестко детерминирована ритмом «от звонка до звонка» [2, с. 11]. Повседневность учителя — это не только методика преподавания, но и является сложной системой практик выживания, социальной адаптации и профессионального подвижничества в условиях хронического дефицита и тотального идеологического контроля [3, с. 97].

Актуальность темы связана с необходимостью более взвешенного взгляда на образ советского учителя. В общественном сознании он часто колеблется между двумя крайностями: идеализированным образом безликой фигуры, полностью подчиненной системе. Обращение к архивным документам, таким как уникальные отчеты из Ф.469 ГАКО (Отдел образования) и личным воспоминаниям, позволяет реконструировать реальный социально-психологический портрет учительства — самой многочисленной группы интеллигенции, формировавшей мировоззрение поколений в условиях, когда школа была «плацдармом для наступления на культурную отсталость» [4, с. 96].

Объектом исследования непосредственно является советское учительство послевоенного периода в Центральном Казахстане.